

МНОГОУКЛАДНЫЕ СТРАНЫ: ПОЧЕМУ?

А. ЛЕВКОВСКИЙ

В ЛЮБОЙ науке, в том числе и об обществе, новое явление, как правило, некоторое время не находит точного определения. Конечно, это связано не с трудностью «выдумать» удачный ярлык или невозможностью добиться его общественного признания. Реальная трудность, естественно, таится в ином. Всем известно положение о несоответствии формы и содержания, об опосредованной связи между ними. Это обуславливает необходимость нахождения основного в явлении, чтобы не обмануться формой и правильно охарактеризовать само явление и его главные проявления. Точное научное определение соответствующего явления может появиться лишь на достаточно позднем этапе изучения и крайне редко — в его начале.

При исследовании новых социальных проблем во вновь возникшем третьем мире подобных ситуаций появилось немало. Ничего удивительного в этом нет. Издержки в научных поисках неизбежны. Однако практика не может ждать, пока наука «поймет» суть события и даст ему правильную дефиницию.

До недавнего времени государства, составляющие третий мир, были повсеместно известны как колониальные и полуколониальные страны, что наиболее четко вскрывало их поработанное состояние. Развал колониальной системы империализма и выход множества государств на арену самостоятельного развития резко изменили обстановку. Политическое закабаление, во всяком случае явное и преобладающее, отошло в прошлое, хотя необходимость отстаивания государственной независимости от неокOLONиалистских происков не отпала. Старое определение в целом уже не годилось, чтобы выразить новое качество.

В печати для выделения этих стран стали довольно скоро ставить сперва необычные, но затем примелькавшие прилагательные: «слаборазвитые», «экономически отсталые» и т. д. В 60-е годы, после того как постепенно отпали иные определения, у нас закрепилось одно — «развивающиеся страны». Почти все отмеченные определения, включая последнее, пришли в нашу литературу с Запада и прижились в ней. Но сие мимоходом.

Главное — мы имеем теперь не просто общую характеристику огромной группы (по численности

преобладающей) государств земного шара, но и понятную смысловую нагрузку ее. Общациональная задача молодых государств — достижение экономической независимости — стала очевидной всем. Поэтому вполне логично подчеркнуть потребность хозяйственного возрождения. Термин «развивающаяся» выделяет этот момент как бы очень удачно. Кроме того, нельзя не упомянуть и явную преемственность в принципе определения существа изучаемых нами государств. В прошлом, когда основным была национально-освободительная борьба за политическую независимость, термин «колониальные» или «зависимые страны» выделял существенное в жизни этих стран, так сказать, через негативное определение. Ныне, когда на передний план вышла борьба за экономическую самостоятельность, логично употребление термина «развивающаяся страна». Так что хотя последний и рожден нуждами текущего дня, случайным и бессодержательным его назвать никак нельзя.

И все же этот термин не выдерживает объективной научной критики. Сперва отметим формальный недостаток термина «развивающиеся страны». Он как бы предполагает, что другие группы государств способностью к развитию не обладают или для них экономический рост является чем-то второстепенным. Понятно, что первое и второе предположения абсурдны. Если взять темпы хозяйственного развития, то увидим, что развивающиеся страны по этому показателю в целом не превосходят, а наоборот, отстают от большинства других государств. Сейчас они пока еще медленно развивающиеся страны. Но все же это частные недостатки определения. Главный его порок в другом.

Как известно, основное научное деление государств осуществляется по социально-классовому признаку. Трудом классиков марксизма-ленинизма было показано, что господствующая в данном государстве общественная формация определяет его социальное лицо. Одновременно — что также является общеизвестной истиной — ведущий класс, заинтересованный в увековечении соответствующего способа производства, держит в своих руках политическую власть и накладывает свою печать на все стороны общественной жизни. Следовательно, на лицо и классовый признак.

Исходя именно из этого принципа, мы находим в современном мире государства капиталистические и социалистические. Однако применение подобного критерия никак не приводит к выделению особой категории «развивающихся государств». Выше был

Алексей Иванович Левковский (род. в 1924 году) — доктор экономических наук, заведующий сектором общих социально-экономических проблем стран Азии и Северной Африки Института востоковедения Академии наук СССР.

упомянут другой критерий, лежащий в основе их выделения. В итоге происходит столкновение качественно отличных принципов классификации при выделении социалистических и капиталистических стран (по производственным отношениям) и при выделении развивающихся государств (по состоянию производительных сил), и, естественно, результаты такой классификации несравнимы. Получается как бы, что первый критерий применим для определенного региона и не годен для классификации в планетарном масштабе. Действительно, совершенно ясно, какой социальный строй и какие ведущие классы стоят за понятием «капиталистическое» или «социалистическое государство». Понятие «развивающееся государство» абсолютно ничего подобного не обнаруживает, а напротив, весьма эффективно скрывает.

Возникает закономерный вопрос: а может быть, применение социально-классового принципа (по производственным отношениям) на международной арене не приводит к выделению трех групп государств, а выявляет только две их группы? Тогда, возможно, нужен другой подход, который устанавливает наличие особой, третьей группы, наряду с двумя другими. В употреблении термина «развивающиеся страны» при сравнении с другими типами государств проступает явная непоследовательность, ибо он предусматривает существование его противоположности — «развитых государств», справедливо выступающих в нашей литературе в разделенном состоянии — капиталистических и социалистических стран. Деление мира на «богатые» и «бедные» государства лежит в той же плоскости, что и раздел на «развитые» и «развивающиеся», является вариантом последнего.

Осознание существования разных принципов классификации государств, возможности эклектического смещения результатов различных подходов не дает, однако, ответа на поставленный выше вопрос. Кроме того, необходимо признать, что в вышеизложенном ощущается определенный привкус негативного ответа. Употребление в одном ряду понятий: «капиталистическое», «социалистическое» и «развивающееся» государство — прямой указатель на эту (большей частью неосознанную) тенденцию. Она становится менее (но далеко еще не полностью) неосознанной, когда уже развивающиеся страны сразу же, минуя промежуточные ступени анализа их реального состояния, разграничиваются по тому признаку, на какой путь социального развития они вступили (вроде бы до того времени пребывали в некоем столбняке или спячке).

Социальное лицо развивающихся стран начало, наконец, вырисовываться совсем недавно, после того как углубленный анализ социальной действительности этих стран нащупал главное в этой действительности — **уклады**. Существование различных укладов, то есть принципиально разнящихся социальных типов хозяйствования, — показатель великого столкновения самых противоположных тенденций в общественной эволюции. Причем речь идет не о мелких остатках, вкрапинках отживших свой век способов производства в гранит определенной социально-экономической формации. Нет. Речь идет именно об одновременно существующих крупных (массовых) «кусках» различных производственных отношений, противоборствующих друг другу и находящихся в сложнейших и меняющихся связях между собой. Тут еще нет ни абсолютных победителей, ни полностью побежденных. Это запутанная смесь относительно сильных и устойчивых укладов. Это **стойкая многоукладность**. Следовательно, ответ на поставленный вопрос, сжато данный уже в самом на-

звании серии наших статей, таков: государства делаются, если применять единый критерий, на капиталистические, социалистические и многоукладные.

Впервые, как известно, научный разбор феномена многоукладности и блестящее политико-практическое использование полученных из него выводов осуществил В. И. Ленин. Объектом изучения была Советская Россия. Однако глубину ленинского анализа, огромное значение его для практики мы полнее начинаем осознавать именно сейчас, когда обнаруживается сходный феномен многоукладности на колоссальных территориях третьего мира.

Что скрывает, выражает феномен многоукладности? Он наилучший показатель глубинных процессов переходного (калейдоскопического) состояния производственных отношений. Исторический переход от одной социально-экономической формации к другой до сих пор был обязательно связан с одновременным сосуществованием на определенный срок как одной, так и другой. Растущий интерес общественных наук к переходным состояниям общества, надо думать, приведет к открытию специфики многоукладности при различных переломах в период становления определенной формации. Для Африки, Азии и других частей третьего мира результаты подобных будущих открытий представят не просто познавательный, но и самый что ни есть актуальный интерес, ибо это во многом раскрытие важных элементов их сегодняшней действительности. И все же в данном случае нас занимает не проблема переходности вообще, а переход в конкретных условиях и в определенное время. Аналогичное следует сказать и о многоукладности, ибо существует несколько принципиально отличных друг от друга типов многоукладности, а внутри отдельного типа — свои разновидности.

В. И. Ленин заложил основу изучения переходности и многоукладности, проанализировав эти проблемы при переходе от капитализма к социализму в специфических условиях сперва дореволюционной, а затем пореволюционной России. В результате мы получили классический образец диалектического подхода к изучению сочетания общего и частного в проблеме многоукладности, методику которого, наряду с конкретными ленинскими выводами, необходимо применять при анализе иных типов многоукладности. Памятуя эти выводы, мы, в частности, несоизмеримо лучше можем теперь осознать глубину и значимость ленинской критики различных концепций «чистого империализма», «чистого капитализма», понять, что дело не в частностях, а в ином качестве важнейших общественных процессов.

Многоукладность в сегодняшнем третьем мире — особая. Конечно, у нее есть немало сходного с той, которая была в Советской России при нэпе. Поэтому опыт нашей страны имеет крупное значение для нынешних многоукладных государств. Он содействует нахождению оптимальных решений как частных, так и кардинальных проблем их развития.

Но в целом многоукладность третьего мира демонстрирует его отличительное качество. Это обусловлено в первую очередь особенностями социально-экономического развития многоукладных государств в последние века их эволюции. До появления в Африке европейских колонизаторов в тропической части континента складывались феодальные отношения, перемежавшиеся с огромными пластами предшествующих форм производства (особенно первобытно-общинного). В основных районах Азии давно утвердившийся феодализм иначе, чем в Европе, существовал с более древними видами социально-

экономических устройств, значимость и распространение которых были неизмеримо больше, чем при «европейских» видах феодализма.

Экономическое, а затем и политическое вторжение колонизаторов, выражавшее всемирное распространение западного капитализма, кардинально изменило ход общественной эволюции поработанных стран. Заморские захватчики долгое время стремились не к распространению новых, капиталистических отношений, а к максимальной выкачке богатств. Оккупанты, насколько это было для них возможно, ставили себе на службу все разновидности «туземных» видов производства. Тем достигался противоречивый эффект: с одной стороны, сохранялись (точнее консервировались) «традиционные» виды общественного устройства, с другой — подрывалась и искажалась их внутренняя суть. Противоречивое влияние капиталистической колонизации привело к дифференцированию местных докапиталистических укладов. Одни приспособлялись к различным этапам колониальной эксплуатации лучше, другие хуже. С наступлением эпохи монополистического капитализма в колониальных и полуколониальных странах под влиянием внешних и внутренних факторов происходил мучительнейший становление капиталистических производственных отношений. Последние не были однородными: часть капиталистических предприятий привносилась извне в интересах иностранного монополистического капитала, часть вырастала из затяжного развития местного капитализма. Так под прессом колониальной эксплуатации сложилась основа специфической многоукладности третьего мира.

Внешне перед нами предстают многие из тех укладов, о которых писал В. И. Ленин применительно к пореволюционной России. Действительно, можно легко обнаружить натурально-патриархальный, мелкотоварный, частнокапиталистический, госкапиталистический и иные уклады. Суть каждого из них, естественно, та же, что и у иных аналогичных укладов, существовавших в других государствах. Однако у каждого уклада в третьем мире (по сравнению с другими районами планеты) наблюдаются очень существенные особенности, поэтому прямая накладка выводов, полученных при исследовании укладов в иное время и в иных странах, на уклады в третьем мире неправомерна.

Особенности укладов третьего мира связаны и с еще одним отличительным признаком здешней многоукладности. Это необычное для истории самостоятельных государств Западного сочетания отдельных укладов, их удельный вес в общей смеси и даже количество компонентов-укладов. Здесь, в особом переплетении множества укладов, и помещается двигательный центр социально-экономической эволюции молодых государств и таится разгадка сложности последней. Конечно, у каждого такого государства существует, так сказать, вторичный ряд особенностей в структуре многоукладности, проводящих водоразделы уже внутри самого третьего мира.

В этом многообразии сказывается как неодинаковость исторического пути, так и то, на что хотелось бы обратить внимание, — неравномерность изменений (движения) укладов в отдельных странах. К рассматриваемой проблеме применимо известное положение о том, что пространственные различия зачастую отражают различия временные, то есть отдельные стадии эволюции многоукладности одновременно существуют у разных государств. Классификация последних по этому признаку (по состоя-

нию многоукладности) создает реальную основу для научного анализа настоящего и предвидения ближайшего будущего огромной части планеты.

Многоукладность в данной части земли скрывает в себе, однако, такую особенность, которая, как правило, отсутствовала в других странах на перекрестных узлах их истории (хотя некоторые элементы этой особенности прослеживаются в России). Как уже говорилось, наличие многоукладности — основной показатель переходного периода от господства одной социально-экономической формации к другой. Протяженность перехода в зависимости от способа производства и страны, степень его завершенности были различны, но суть перехода оставалась однозначной. В сегодняшних многоукладных государствах положение сложнее.

В многоукладности стран третьего мира, возникшей в результате необычного сочетания внешних и внутренних факторов, заложена объективная возможность для нескольких вариантов развития, для утверждения не единственной, а одной из двух конкурирующих и новых для этих государств формаций.

Для большинства стран третьего мира характер многоукладности можно со значительным допуском (ибо отмечается в первую очередь консервативная, так называемая положительная сторона противоречия) определить как феодально-колониальный. Нынешние изменения в многоукладности происходят из борьбы противоположных начал (за каждым из которых стоят определенные уклады или их комбинации) за сохранение или за преодоление феодально-колониалистской структуры многоукладности. У некоторых укладов указанный водораздел проходит через самую их сердцевину. Раздел не прост. Для молодых стран возникает необходимость более подробного рассмотрения ряда капиталистических укладов, что требует применения новой методики. Между этими укладами складываются крайне противоречивые отношения ожесточенной борьбы и относительного сотрудничества (точнее соподчинения).

В нашей литературе довольно подробно освещены негативные черты социально-экономического строя молодых государств, которые необходимо ликвидировать или изживать. Однако если взглянуть на эту проблему через призму многоукладности, то возникает острая необходимость в новых направлениях исследования. Действительно, когда мы ставим вопрос: ликвидировать в нынешнем третьем мире препятствуют экономическому и социальному прогрессу, то ответ на него, как это ни странно на первый взгляд, не очень легок. Ликвидация феодально-помещичьей и ростовщической эксплуатации приводит не только, а иногда и не столько к исчезновению определенных укладов, сколько к изменению в положении и состоянии уже существующих (главным образом натурально-патриархального и мелкотоварного укладов, а также мелкокапиталистического уклада). Удар по позициям империализма сам по себе также не ведет к уничтожению наличествующих укладов (хотя меняются капиталистические уклады), а вызывает изменение их и обычно порождает рост нового, госкапиталистического уклада. Решение антифеодальных и антиимпериалистических задач теоретически может не приводить к уничтожению уже имеющихся укладов, кардинально меняя условия их функционирования и особенно взаимодействия. На практике подобную теоретическую возможность претворить полностью едва ли удастся, ибо вступают в силу другие факторы, в первую очередь факторы классовой борьбы.